

Ростислав Пазухин

Так называемое "Повелительное наклонение" и его парадигма

Studia Rossica Posnaniensia 6, 85-95

1974

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РОСТИСЛАВ ПАЗУХИН

Ленинград

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ „ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ” И ЕГО ПАРАДИГМА

1.0. Среди „странностей” и „аномалий”, свойственных так называемому „повелительному наклонению” (Modus Imperativus) глагола, мы встречаем и неопределенность, связанную с вопросом о его парадигме. Эта неопределенность наблюдается в различных языках и заключается в том, что лингвисты и педагоги расходятся во мнениях относительно того, какие из глагольных форм и конструкций данного языка, способных выражать побуждение, должны рассматриваться как формы повелительного наклонения, а какие нужно считать лишь синонимами или заместителями императива? При этом к императиву без колебаний обычно относят специфические формы 2 л. Ед. ч., которые во многих языках представляют собой „чистую основу”, а также производные от них формы 2 л. Мн. ч.: лат. *ama, amate*; греч. *λέγε, λέγετε*; рус. *ляг, лягте* и пр. Несогласия возникают лишь по поводу других побудительных глагольных выражений, которые по мнению многих соответствуют „другим лицам и временам” императива: напр.: нем. *laßt uns gehen!*, рус. *пусть он придет!*; фр. *qu'il vienne!*; *soyez arrivé...!* Наблюдаются споры и по поводу так называемого запретительного императива: исп. *¡no hagas!*, ит. *non toccare!* и т.д.

1.1. Эти расхождения — следствие того факта, что исследователи императива придерживаются различных критериев выделения: семантического, формального и (редко) этимологического.

Так, парадигмы русского и испанского императива могут выглядеть следующим образом:

—	<i>выйдем</i>	—	<i>salgamos</i>
<i>выйди</i>	<i>выйдите</i>	<i>sal</i>	<i>salid</i>
<i>пусть выйдет</i>	<i>пусть выйдут</i> ¹	<i>salga</i>	<i>salgan</i> ² .

„Формалисты” же исключают из этих парадигм формы типа *выйдем*, объ-

¹ А. Н. Гвоздев, *Современный русский литературный язык*, т. I, Москва 1957, стр. 308 - 9.

² Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, *Испанский язык*, Москва 1964, стр. 67.

вив их формами Буд. вр. Изъяв. накл.³, формы с *путь* как описательные индикативные обороты⁴ и формы *salgamos, salga, salgan*, считая их особым (побудительным) употреблением сослагательного наклонения⁵.

Из этимологических соображений некоторые индоевропейцы противопоставляют формы императива формам „инъюнктива”⁶.

1.2. Все это не может не удивлять, ибо вышеперечисленные критерии успешно опробованы в выделении таких „канонических” наклонений, как изъявительное, сослагательное и пр. Проблем, связанных с их парадигмами, почти не возникает: под соответствующим наклонением мы понимаем группу глагольных форм, демонстрирующих параллелизм между формальными показателями лица, числа и наклонения, с одной стороны, и содержанием этих форм, — с другой (см. § 2.1.). Эти формы, как правило, имеют общее происхождение.

В этом отношении образцовым примером является испанское сослагательное наклонение: *ame, ames, ame, amemos, améis, amen* (Presente de Subjuntivo). Внешний вид, значение и функции этих форм отчетливо противопоставлены формам *amo, amas, ama, amamos, amáis, aman* (Presente de Indicativo) и явно обнаруживают родство с лат. Praes. Coniunctivi Activi: *amet, ames, amet, amemus, ametis, ament*.

Ниже мы увидим, что противоречивые результаты выделения императивных парадигм вызваны не столько неумелым применением критериев выделения (§ 1.1.), сколько неприложимостью этих критериев к „повелительному наклонению”.

1.3. Семантический критерий. В каждом языке существует неопределенно большое число слов и выражений, обладающих „побудительным” значением. Напр., рус. *молчать!*, *огонь!*, *вон!*, *поехали!* и пр. В совокупности они образуют синонимический ряд императива данного языка⁷. Последовательное применение семантического критерия не может не привести к совмещению парадигмы императива с его синонимическим рядом. В этом случае „повелительное наклонение” потеряет смысл морфологической категории и превратится в аморфную массу слов и словосочетаний с неопределенными границами и составом, лишенную внутренней упорядочности (что не свойственно грамматическим системам)⁸.

1.4. Формальный критерий позволяет выделить определенную группу

³ И. Г. Голанов, *Морфология современного русского языка*, Москва 1963, стр. 176 - 177.

⁴ А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*, II, Братислава 1960, стр. 476 - 478.

⁵ A. Bello, *Gramática de la lengua castellana*, Buenos Aires 1945, стр. 123 - 124.

⁶ К. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen*, Strassburg 1904, стр. 480, 551, 578.

⁷ Ср. Р. В. Пазухин, *Синонимический ряд испанского императива*, „Вестник Ленинградского университета” 1961, № 8, стр. 140.

⁸ Ср. А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, Ленинград 1941, стр. 483.

форм, но не объясняет, почему за основание выделения нужно принимать именно данные формальные показатели, а не какие-либо другие. Произвольность любого из подобных решений обнаружить не так уж трудно.

Предположим, к примеру, что к императиву относятся исключительно „чистоосновные“ глагольные формы и их производные (ср. § 1.0.). Но есть языки, в которых формам императива обязательно свойствен определенный суффикс: например, литовский (§ 4.8.) и финский (§ 4.9.). В других языках в этом случае вне императивной парадигмы останутся формы 2 лица неимперативного происхождения, сохранившие показатели исходного наклонения, но семантически и функционально включенные в парадигму императива: ср. фр. *sois*, каталанск. *sigues*⁹, и т.д.

1.5. Сочетание семантического и формального критериев. Практически так поступают все исследователи императива. Но эти критерии, в той форме, в какой они предложены (§ 1.1. - 1.2.), не содержат в себе ясных указаний, определяющих характер их взаимодействия. И каждый исследователь сочетает их в произвольном отношении. Так, А. Н. Гвоздев отдает предпочтение семантике, а А. В. Исаченко склоняется к морфологии в трактовке русского императива (§ 1.1.).

При этом Исаченко исходит из предпосылки семантического характера: для него императиву свойственна исключительно „диалогическая ситуация“ и формы 2 л. Именно поэтому он исключает из императива „формы 3 л.“ и, соответственно, рус. обороты с *пусть*¹⁰. Поскольку же последние не удовлетворяют морфологическим требованиям (ср. § 4.0.-С), создается впечатление, что указанная предпосылка подтверждается морфологически.

Это правило оказывается, однако, частным и неприложимым в тех случаях, когда в языке обнаруживаются побудительные глагольные формы 1 и 3 л., находящихся в регулярных формальных и семантических отношениях с формами 2 л. императива, и которые не могут быть включены ни в какую иную глагольную парадигму данного языка, кроме императивной. Ср. фр. *allons* (§ 4.5.), греч. *λεγέτω, λεγόντων*, (§ 4.7.), класс. скр. *vadani, vadava* ... (§ 4.10.), и т.п. Впрочем, в этих случаях и сам Исаченко отходит от своего критерия¹¹.

2.0. Неприложимость к „повелительному наклонению“ критериев, которые оправдались при идентификации „классических“ наклонений (§ 1.2.), может иметь, по-видимому, только одно объяснение: так называемое „повелительное наклонение“ не является наклонением глагола в общеупотребительном смысле слова.

Чем же можно подтвердить это предположение?

⁹ Р. В. Пазухин, *Об „исходном“ значении сослагательного наклонения в романских языках*. В сб.: *Вопросы теории и истории языка*, Ленинград 1963, стр. 225.

¹⁰ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 477.

¹¹ Там же, стр. 478, 484 и сл.

2.1. Проанализировав значение форм „несомненных” наклонений (§ 1.2.), мы найдем, что оно обладает следующей неизменной структурой:

(I) {лекс. значение + „модальное” значение + лицо (подлежащего) + число}.

Так, различие между значением форм внутри парадигмы испанского индикатива и, соответственно, конъюнктива (§ 1.2.) заключается только в том, что они соотносят какое-либо одно лексическое и „модальное” значение с разными лицами (всех чисел) субъекта действия.

Значение императивных форм не обнаруживает структуры типа (I), ибо подобные формы обозначают ситуацию побуждения, которая включает в обязательном порядке не менее двух участников и двух, связанных с ними, предикатов. В соответствии с этим императив 2 л. Ед. ч. уже издревле понимался как сообщение: *я волю, чтобы ты сделал то-то*¹², что соответствует структуре:

(II) {говорящий (приказывающий) + отношение к будущей деятельности слушателя + лицо слушателя (исполнителя) + название вменяемого действия}¹³.

2.2. Различие между формулами (I) и (II), из § 2.1, очевидно, но оно не сводится к простому количественному различию. Если (I) соответствует слову, которое для участия в акте коммуникации должно быть явно или неявно¹⁴ включенным в структуру соответствующего предложения, то (II) содержит в себе все необходимые компоненты самостоятельного предложения и дает исчерпывающие сведения об определенной ситуации: говорящий устанавливает определенную программу деятельности слушателя¹⁵.

Таким образом императив представляет собой слово, обладающее содержанием предложения, и способное само по себе выразить законченную мысль¹⁶.

2.3. Очень важно, что императив представляет собой эквивалент главного независимого предложения: ср. *иди!*, но **я прошу, чтобы ты иди (?)*. Этот факт объясняется тем, что императив является замкнутой синтаксической структурой, и потому не может выступать как сказуемое придаточного предложения, управляемого другим глаголом¹⁷.

2.4. Если сравнить между собой несомненные или спорные формы „повелительного наклонения” какого-либо одного глагола, относящиеся „к раз-

¹² Аполлоний, *Синтаксис*, III, 25. В сб.: *Античные теории языка и стиля*, Москва—Ленинград 1936, стр. 141. Ср. Р. В. Пазухин, *Об „исходном” значении сослагательного наклонения в романских языках*, указ. соч., стр. 222.

¹³ Р. В. Пазухин, *Синонимический ряд испанского императива*, указ. соч., стр. 148.

¹⁴ Ср. там же, стр. 145.

¹⁵ Р. В. Пазухин, *Целенаправленность высказывания*, „Ученые записки Ленинградского государственного университета” 1961, № 301, стр. 167 - 168.

¹⁶ Р. В. Пазухин, *Синонимический ряд испанского императива*, указ. соч., стр. 144.

¹⁷ Р. В. Пазухин, *Об „исходном” значении сослагательного наклонения в романских языках*, указ. соч., стр. 222 - 223.

ным лицам”, мы не обнаружим в них одной и той же неизменной структуры содержания, в которой от формы к форме меняются лишь показатели лица и числа (ср. § 2.1). Невозможно предполагать, например, что значение „формы 3л.” императива отличается от значения формы 2 л. (ср. фр. *qu'il aime!* — *aime!*, фин. *sapokoon!* — *sano!* — § 4.5. и 4.9.) лишь тем, что в формуле (II) 2 лицо исполнителя меняется на 3 лицо (?). На самом деле „побуждение к 3 лицу” немислимо¹⁸, и соответствующие выражения следует понимать как обращение приказывающего к собеседнику с ходатайством о том, чтобы он воздействовал на некое третье лицо так, чтобы вызвать у последнего определенную деятельность. В то же время „формы 1 л.” заключают в себе воздействие говорящего с целью вызвать определенную деятельность совокупности лиц, причем говорящий воспринимает себя частью этой совокупности: рус. *пойдем!*, фр. *chantons!* и т.п.

Мы, таким образом, обнаруживаем, что функция „личных форм” императива отнюдь не сводится к тому, что они регулярно соотносят какое-то одно лексическое и модальное значение с различными грамматическими лицами субъекта действия (ср. § 2.1.). Эти формы называют некоторые, наиболее важные, типы побудительных ситуаций. При этом мы обнаруживаем в их значении существенно различающиеся структурные схемы (ср. § 4.0. — А). Поэтому содержательные отношения между „личными формами” императива отнюдь не параллельны формальным отношениям между ними.

3.0. Особенности „повелительного наклонения”, которые перечислены в § 2.1. - 2.4, делают его непохожим на „канонические” наклонения глагола, но роднят его с такой частью речи, как междометие. Действительно, междометиям свойственна синтаксическая замкнутость и обособленность, а также смысловая законченность, так как они выступают как эквиваленты предложений¹⁹. Они называют ситуации, причем часть из них специализировалась на обозначении побудительных ситуаций²⁰. Ср. русск. *на!*, *ну!*, *цыц!*, *эй!*, *стоп!*; лат. *heus!*, *eho!*, *ehodum!*, *eia!*, *ave!* Междометия этого типа настолько близки императиву, что могут даже приобретать императивную флексию: рус. *name!*, *nume!*; лат. *avete!*, *cette!*, *eiате!*. В свою очередь императивы переходят в междометия: рус. *глянь!*, *пну!*, нем. *geh!*, греч. *íδοϋ*, лат. *age!* и пр.²¹.

Из близости императива междометиям часто делают странные выводы об „иллогичности”, „аффективности” императива, о том, что он выделяется „из общей системы ... глагола” и „принадлежит эмоционально-волевому

¹⁸ Ср. А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 483.

¹⁹ Напр., А. Н. Гвоздев, указ. соч., I. стр. 397 и сл.

²⁰ С. Я. Лурье, *Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках*, Львов 1955, стр. 9 - 30.

²¹ Fr. Blatt, *Précis de syntaxe latine*, Lyon 1955, стр. 163.

языку”, и т.п.²² Однако императив не является ни междометием, ни тем более простым эмоциональным выкриком. Он — полноправный, хотя и своеобразный, член глагольной системы. Об этом свидетельствуют его регулярные формоизменятельные отношения к другим членам глагольной системы и неограниченная продуктивность этих отношений: ср. рус. неол.: *прилунайся!*, *алгоритмизируйте!* и пр.

Гораздо более перспективным оказывается предположение о том, что императив представляет собой гибридную форму глагола и междометия. Подобные гибридные формы хорошо известны почти во всех „морфологических” языках под названием вербоидов. Это — различные отглагольные существительные, прилагательные, наречия, которые носят названия инфинитивов, масдаров, „имен действия”, герундиев и т.п. Для них характерно, что они совмещают свойства глагола и „породнившейся” части речи. Они регулярно образуются от глагольных основ.

Такой же вербоидной природной обладает и императив (§ 2.1. - 2.4.). Он заслуживает того, чтобы его исключили из системы глагольных наклонений, в которую не удастся его удовлетворительно „вписать”, и перенесли в систему вербоидов. Ср. в русском языке:

вербоиды	{	„неопределенное наклонение”	× (глагол—существительное)
		причастие	× (глагол—прилагательное)
		деепричастие	× (глагол—наречие)
		„повелительное наклонение”	× (глагол—междометие).

3.1. Такому решению несколько противостоит традиция, которая рассматривает вербоиды как „неличные формы глагола” (*verbum infinitum*) и относит императив к личным формам глагола.

По-видимому, однако, мы имеем здесь дело с традиционной, но уже неадекватной точкой зрения. История так называемого „неопределенного наклонения” подтверждает эту мысль. Напомним, во-первых, что это „наклонение” уже никто не относит к системе наклонений, но рассматривает как вербоид по соображениям, аналогичным тем, что мы привели в § 3.0²³. Во-вторых, именно „неопределенное наклонение” свидетельствует о том, что отсутствие спряжения отнюдь не является существенной чертой вербоидов: ср. так называемый „личный или спрягаемый инфинитив” в португальском языке, кото-

²² В. В. Виноградов, *Русский язык*, Москва—Ленинград 1947, стр. 590. Ср. Р. В. Пазухин, *Учение К. Бюлера о функциях языка*, „Вопросы Языкознания” 1963, № 5, стр. 97.

²³ Напр., А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, тт. I - II, Москва 1958, стр. 335 и сл.

рый, сохраняя функцию инфинитива, располагает формами всех лиц: *amar, amares, amar, amarmos, amardes, amarem*²⁴.

4.0. Отнесение императива к вербоидам (§ 3.0.) влечет за собой не только удобства грамматической классификации. Исходя из нового понимания природы императива, мы можем построить новую и эффективную систему критериев выделения его парадигмы.

А. Мы отказываемся искать в значении форм императива некий однородный „модальный компонент”, называемый „побудительной модальностью”²⁵. Императив — это специализированные глагольные формы, называющие несколько типов наиболее важных (с практической точки зрения) побудительных ситуаций²⁶:

1. (Я→Я...>)	ср. § 4.10.	4. Я→(ВЫ+Я)...>	(§ 2.4.)
2. Я→ТЫ...>		5. Я→ВЫ...>	
3. Я→ТЫ...>ОН...>	(§ 2.4.)	6. Я→ТЫ...>ОНИ...>	(§ 2.4.)

В. Каждая форма императива является эквивалентом главного предложения и не может быть сказуемым придаточного предложения (ср. § 2.3.).

С. Выражения типа рус. *пусть он придет* недостаточно специализированы для включения их в парадигму императива. Они содержат неимперативные глагольные формы, сохраняющие функции и значения соответствующих неимперативных категорий²⁷.

Д. Глагольные формы, удовлетворяющие требованиям А - С, должны для включения в парадигму императива сохранять между собой регулярные формальные отношения, делающими возможным их производство от любого глагола данного языка.

Е. Императивные формы должны отличаться от форм неимперативных парадигм того же языка хотя бы одним из следующих морфологических признаков:

- особой императивной основой: польск. *daj!*, *dajmy!*, *dajcie!*
- особым императивным суффиксом: ср. § 4.8. и 4.9.
- особой императивной флексией: лат. *amāte!*, при *amātis*
- опущением несамостоятельных личных местоимений, ставших факти-

²⁴ Н. Sten, *Les particularités de la langue portugaise*, TCLC, vol. II, 1, Copenhague 1944, стр. 58 - 70. Разумеется, мы употребляем термин „вербоид” в его традиционном смысле, в отличие от С. Я. Лурье (ср. сноску 20).

²⁵ Р. В. Пазухин, *Целенаправленность высказывания*, указ. соч., стр. 174.

²⁶ В схеме не учитываются побочные варианты. Сплошные и пунктирные стрелки означают соответственно „акт вменения” и „вменяемую деятельность”.

²⁷ Р. В. Пазухин, *Целенаправленность высказывания*, указ. соч., стр. 170.

чески флексией лица: фр. *nous chantons* и *chantons!*, *vous chantez* и *chantez!*²⁸

Г. При отсутствии отчетливых морфологических различий (§ 4.0 — Е) задача исследователя сводится к доказательству омонимии императивной и неимперативной формы:

а. нахождение параллельных морфологических различий: рум. *taci* (молчишь) и *taci!* (молчи!), но *cînfî* (поешь) и *cîntă* (пой!)²⁹; англ. *you smoke* и *smoke!* но *you are silent* и *be silent!*³⁰.

Аналогичным образом рум. *cîntați*, ит. *cantate*, каталанск. *canteu* (где совпали лат. *cantātis* и *cantāte*)³¹ должны различаться в соответствии с пропорцией: рум. *cînfî*: *cîntă* = *cîntați* (Indic.): *cîntați* (Imperat.) или ит. *canti*: *canta* = *cantate*: *cantate* и т.п.

б. семантический анализ: ит. *non parlare!* (2л. Ед. ч.), но *parlare* (безлично).

Г. Поскольку императив принимается за морфологическую категорию, синтаксические показатели — особенная сочетаемость глагольных форм, лишенных признаков (Е - F), с личными (самостоятельными) местоимениями, вспомогательными и модальными глаголами, частицами и т.п. — не может служить надежным признаком принадлежности формы к парадигме императива или необратимого, окончательного перехода в эту парадигму. Ибо в некоторых случаях особенная сочетаемость служит лишь показателем окказионального побудительного употребления неимперативной формы (обратимый узус). Так, в побудительной китайской фразе (байхуа) обязательно выражение подлежащего и — при переходном глаголе — дополнения: *nǐ shuō huà* „ты говоришь (слова)”, но (*nǐ*) *shuō (huà)*! — говори!³² По-видимому, нельзя говорить о существовании в байхуа императива, но о побудительном употреблении единой недифференцированной предикативной формы (глагола)³³. В то же время рус. *пойдем!* более отчетливо противопоставлено *мы пойдём*³⁴.

Н. Некоторые формы мы застаем в процессе перехода, либо в императивную парадигму, либо из нее. Так, например, иногда формы 3 л. императива начинают употребляться как сказуемые придаточных предложений (ср. § 4.0. — В).

²⁸ А. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, 1926, стр. 177 - 178, 190 - 191.

²⁹ Academia RPR, *Gramatica limbii române*, I, Bucaresti 1954, стр. 278.

³⁰ А. И. Смирницкий, *Морфология английского языка*, Москва 1959, стр. 344.

³¹ Р. В. Пазухин, *Об одном случае грамматической синонимии (Indicativus pro imperativo в испанском языке)*, „Ученые записки Ленинградского государственного университета” 1961, № 299, стр. 155.

³² Люй Шу-сян, *Очерк грамматики китайского языка*, т. II, 1, Москва 1965, стр. 308.

С. Е. Яхонтов, *Категория глагола в китайском языке*, Ленинград 1957, стр. 38.

³³ Ср. *Грамматика индонезийского языка*, под ред. В. Д. Аракина, Москва 1972, стр. 287 и сл.

³⁴ А. М. Пешковский, *Русской синтаксис в научном освещении*, Москва 1956, стр. 197.

4.1 Набор критериев (§ 4.0.) выведен нами из наблюдений над свойствами императива, обнаружившего вербоидную природу (§ 2.1. - 3.1.). Благодаря этому мы избегаем априористичности, обычной при применении критериев (§ 1.1.). Ибо, понимая императив как наклонение, как особое „модальное” или „эмотивное” выражение, тем самым заранее устанавливаются те или иные границы императивной парадигмы, общие для всех языков. Но критерии (§ 4.0.) предлагают лишь общую схему возможностей императивной парадигмы (§ 4.0. — А) и приемы для фиксирования реализаций этих возможностей в различных языках. Таким образом, применяя один и тот же набор критериев выделения, мы получаем разные по составу парадигмы для разных языков (и даже для разных периодов их развития). Это различие предопределяется обнаруженным в данном языке репертуаром специализированных побудительных глагольных форм, которые по морфологическим соображениям не могут быть отнесены к другим, кроме императивной, глагольным парадигмам.

Ниже мы приводим примерные схемы императивных парадигм, которые не имеют законченного характера и преследуют всего лишь цель дать общее представление о разнообразии результатов, к которым может привести приложение наших критериев. Из этого обзора можно, по-видимому, заключить, что наши критерии представляют собой обобщенное и эксплицитное выражение некоторых интуитивных принципов, уже применявшихся при описании парадигм императива в отдельных языках.

4.2 Английский язык. (ключ к парадигме — в § 4.0. — А). 5. *do!*, Proh. 5 *don't do!*, Cont. *be (get) doing!*, Pass. 5. *be done!*, Perf. *have done!* (§ 4.0 — Fa?)³⁵

4.3. Испанский язык. 2. *ama* 5. *amad* (§ 4.0 — Ee) исключаются: *ame amemos*, *ame* (§ 4.0 — G)³⁶, а также *no ames* и т.п.

4.4. Русский язык. 2. *пой!*, 4. (*споем!* — § 4.0. — G)?, 5. *пойте!* Proh. 2. *не пой!*, 5. *не пойте!* (видовые отличия не рассматриваются). Исключается: *пусть он поет* и т.п. (§ 4.0. — C).

4.5. Французский язык. 2. *aime* 4. *aimons* 5. *aimez* (§ 4.0 — Ed), Perf. 2. *aie aimé*, 4. *ayons aimé* 5. *ayez aimé* Pass. 2. *sois aime...*, Perf. Pass. 2, *aie été aimé...*, Proh. *n'aime pas* и т.п.

4.6. Латинский язык. Praes. Act. 2. *amā*, 5. *amāte*, Pass. 2. *amāre*, 5. *amāmini*. Fut. Act. 2-3. *amātō*, 5. *amātōte*, 6. *amantō*, Pass. 2-3. *amātor*, 6. *amantor*.³⁷ Исключаются: *amet*, *nē amēs* и т.п.

4.7. Греческий язык. 2. *λῦε*, 3. *λῦέτω*, 5. *λῦετε*, 6. *λύοντων*, (Dual.)

³⁵ G. O. Curme, *A Grammar of the English Language*, II, Boston, стр. 229 и сл., 328 и сл.

³⁶ Cp. S. Gili y Gaya, *Curso superior de sintaxis española*, Barcelona 1961, стр. 142.

³⁷ А. Эрну, *Историческая морфология латинского языка*, Москва 1950, стр. 200 и сл.

8. λύετον, 9. λϋόντων. Кроме того известны формы других времен и наклонений (реальность некоторых из них подвергается сомнению): Aor. Act. 2. λϋσον, и т.п., Perf. Act. 2. λελνκώς ἴσθι..., Praes. Med.-Pass. 2. λϋου и т.п.³⁸. Греческие императивы обнаруживают тенденцию к употреблению в придаточных предложениях (§ 4.0. — Н)³⁹. Proh. Praes. Act. (μὴ λϋε) и т.п.⁴⁰.

4.8. Литовский язык. 2. dirbk, 4. dirbkime, 5. dirbkite, (Dual) 7. dirbkiva 8. dirbkita, (3-6-9. tedirbiē)?⁴¹ Proh. 2. nedirbk, и т.п. Cont. būk bedirbas...(?). Perf. būk bedirbes...(?).⁴² Исключаются: 3-6-9. tedirba, tedirbs, tegù(l) dirba, lai dirba и т.п. (4.0—С)⁴³.

4.9. Финский язык. Praes. Act. 2. sano' (<sanok)⁴⁴, 3. sanokoon, 4. sanokaamme, 5. sanokaa, 6. sanokoot. Pass. 3-6 sanottakoon. Perf. Act. 3. olkoon sanonut, 6. olkoot sanoneet. Pass. 3-6. olkoon sanottu. Proh. 2. älä sano'... и т.п.⁴⁵.

4.10. Санскрит. 1. vadāni, 2. vada, 3. vadatu, 4. vadāma, 5. vadata, 6. vadantu, (Dual.) 7. vadāva, 8. vadatam, 9. vadatām. Med.-Pass. 1. vadaī, 2. vadasva, 3. vadatām, 4. vadāmahai, 5. vadadhvam, 6. vadāntam, (Dual.) 7. vadāvahai, 8. vadethām, 9. vadetām⁴⁶.

К этим формам добавляют еще формы императива так называемых фреквентатива, дезидератива, каузатива⁴⁷.

5.0. Сравнительная бедность морфологии императива ставит перед исследователем, привыкшим опираться на формальную сторону языковых явлений, большие трудности. В связи с этим многие избирают путь наименьшего сопротивления — псевдопсихологический и псевдологический подход — и рассматривают императив как „волеизъявление”, „эмотив” или „повелительное наклонение” (которое объявляют носителем особой „побудительной модальности”) и т.п.⁴⁸ Опыт, однако, показывает, что этот путь ведет лишь к построению изяшных, но бессодержательных метафор.

Материал, приведенный в настоящей статье, указывает на другую воз-

³⁸ Н. W. Smyth, *Greek Grammar*, Cambridge Mass. 1956, стр. 112 - 119.

³⁹ Там же, стр. 411 (§ 1842).

⁴⁰ Там же, стр. 409 и сл.

⁴¹ J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, III, Warszawa, 1956, стр. 225, 228.

⁴² P. Gailiūnas, *Lietuvių kalbos veiksmažodžio nuosakų ir laikų klausimu*, LTSP Akštųjų Mok. Mokslo Darbai, Kalbotyra IV, Vilnius 1962, стр. 74.

⁴³ J. Otrębski, указ. соч., стр. 225 - 226.

⁴⁴ Л. Хакулинен, *Развитие и структура финского языка*, ч. I, Москва 1953, стр. 233.

⁴⁵ *Грамматика финского языка*, под ред. Б. А. Серебrenникова и Г. М. Керта, Москва—Ленинград 1958, стр. 167 и сл.

⁴⁶ T. Burrow, *The Sanskrit Language*, London (1955), стр. 298.

⁴⁷ W. Dw. Whitney, *Indische Grammatik*, Leipzig 1879, стр. 349, 357, 362. Мы ограничиваемся тематическими глаголами.

⁴⁸ Иногда императив противопоставляют другим наклонениям как выражение Нереальности, ср. Z. Topolińska, *O kategoriach gramatycznych polskiego imperatywu*, „Język polski”, 1966, nr 3, стр. 167.

возможность. А именно: морфологическая ограниченность императива перестает быть барьером для исследователя, если он прибегнет к сопоставительно-типологическому анализу. При этом фрагментарные данные отдельных языков складываются в общую картину, которая позволяет догадываться о скрытой сложной организации этой, как считается, примитивной части глагольной системы. И очень важно, что данный подход отнюдь не требует выхода за рамки „обычного” лингвистического исследования.

THE SO CALLED “IMPERATIVE MOOD” AND THE QUESTION OF ITS PARADIGM

by

ROSTISLAV PAZUKHIN

Summary

All attempts to make the Imperative enter the system of the *verbum finitum* of any language, as a member of it, having up-to day proved unsatisfactory this fact is indoubtedly due to the improper traditional treatment of the Imperative as of a certain “mood of the verb” (to put together with the other *modi verbi*, such as *Indicativus*, *Coniunctivus*, etc.). To avoid the difficulties of placing Imperatives within the verbal system, here a methodology is advanced, which tries to approach the Imperative as a kind of “hybrid verbal category”, that shares features of the verb and, alternatively, of some other part of speech, being commonly known as verboid.

In conformity with this the Imperative is here seen as a verboid, which accumulates traits inherent in the verb, as well as in the interjection, which allows it to enter adequately the class of verboids: viz. the Infinitive (the verb × the noun), the participle (the verb × the adjective), the Imperative (the verb × the interjection), etc. As a consequence, the highly controversial problem concerning limits the paradigm of the Imperative must be enclosed within, finds an efficacious solution. The latter provides that the Imperative paradigm must contain a set of verbal forms that should be specialized expressions of command-relations, and which meet certain formal and semantical criteria (for details, see § 4.0). These criteria being applied to various languages, as well as to various stages in the historical development of a single language, may yield results, which can differ considerably as to the extension and constitution of the Imperative paradigm of the language in question.